

Ю. Либединский и Э. Блок
СЫН ПАРТИИ

ДЕТГИЗ 1956

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по ад-
ресу: Москва, Д-47, ул. Горь-
кого, 43. Дом детской книги.*

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

*Либединский Юрий Николаевич и
Блок Эмма Осиповна*

С Ы Н П А Р Т И И

Ответственный редактор **И. И. Прусаков.**

Художественный редактор **П. И. Суворов.**

Технический редактор **Т. И. Добровольнова.**

Корректоры

Р. С. Мишелевич и Е. Н. Трушковская

Сдано в набор 30/XI 1955 г. Подписано к пе-
чати 27/I 1956 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$ —
20,88 печ. л. = 17,14 усл. п. л. (13,86
уч.-изд. л). Тираж 30 000 экз. Заказ № 302.

А00667. Цена 7 р. 40 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза
Министерства просвещения РСФСР,
Ленинград, 2-я Советская, 7.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая	3
Глава вторая	31
Глава третья	61
Глава четвертая	92
Глава пятая	118
Глава шестая	151
Глава седьмая	170
Глава восьмая	193
Глава девятая	208
Глава десятая	233
Глава одиннадцатая	265
Глава двенадцатая	288

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ и Э. БЛОК

СЫН ПАРТИИ

ПОВЕСТЬ О ~~В. И. К~~РОВЕ

Рисунки Л. Хайлова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1956

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Так вот он, Сергей Костриков!

Вошел, пригладил всей пятерней непокорные темнорусые волосы и быстро оглядел скромную комнату Белозерова. Слесарный верстачок с тисками привлек его внимание. Он взглянул на Белозерова. «Это ты, значит, работаешь?» — спросили глаза и одобрили.

Белозеров видел Кострикова впервые, хотя и знал, что юноша этот недавно прибыл в Иркутск и уже получил партийное поручение. Лицо его отмечено выражением умной отваги — такой, конечно, мог соорудить ту самую подпольную типографию в Томске, из-за которой и вызвал его сейчас Белозеров. Да, не хотелось бы выпускать его из Иркутска. Такому орёлику и здесь бы нашлась работа!

Белозеров встал навстречу посетителю и ответил отзывом на пароль. Белозеров высок, худошав, усы у него аккуратно подстрижены, в гладких волосах проседь, глаза прячутся под очками в старомодной железной оправе. Несколько сгибаясь, чтобы не задеть низенький потолок, обнял он за плечи этого сразу понравившегося ему юношу и подвел к креслу. Сам сел за стол, молча раскрыв портсигар. Закурили. Помолчали.

— Так куда бы вам хотелось поехать отсюда? — деловито спросил Белозеров, словно продолжая начатый уже разговор.

Костриков взглянул с недоумением:

— Если речь идет о моем желании, так я никуда отсюда ехать не собираюсь. Поручение комитета, переданное мне от вашего имени, я выполню. Конечно, я не знал, зачем вы меня вызываете. Но предполагал, что вас интересует, как идет выполнение этого поручения. Могу доложить: знакомства в механико-техническом училище завязаны, вскоре можно будет организовать кружок.

Он говорил, как будто оправдываясь, и с какой-то строптивостью оттопыривал губы. С каждой секундой он все больше нравился Белозерову.

— Значит, не хочется уезжать от нас? — спросил он.

— Нет, нет! Здесь свежо, и как-то особенно далеко отсюда видно! «Дорога к Великому океану!» — написано на арке Триумфальных ворот. И хотя я знаю, что надпись эта сделана в память царского договора с Китаем, — мне мечтается о другом... По этой дороге великие идеи марксизма должны хлынуть в Азию, проникнуть за Китайскую стену, а потом — кто знает! — и за Великий океан!

Он вдруг смолк: ему показалось, что Белозеров над ним смеется. И Белозеров правда усмехался, но живое волнение, звучавшее в словах Сергея, заставило сильнее

стучать выученное, крепкое сердце старого революционера.

— Пока охранка не удостоила меня своим вниманием, я хотел бы оставаться здесь, — настойчиво сказал Костриков.

— Оказывается, все-таки удостоила, — серьезно ответил Белозеров. — Я потому и пригласил вас к себе. Типография ваша в Томске провалилась.

Костриков нахмурился, с лица его мгновенно схлынуло выражение мечтательности, губы отвердели.

— Этого не может быть, — сказал он. — Товарищи, с которыми мы вместе строили эту типографию, — все люди абсолютно надежные. Типография в полной готовности и неприкосновенности ждет лучших времен. Провал исключен!

Сказано это было категорически и твердо. Белозеров вдруг весело рассмеялся:

— О провале типографии приходится говорить не в переносном, а в буквальном смысле. Домик, под которым вы устроили типографию, провалился вследствие крайней ветхости в свой подвал, то-есть в помещение вашей типографии. А так как этот домик и ранее числился у полиции на подозрении, то там, на месте провала, сразу же произведено было обследование и нашли типографский станок. От этого станка потянулась ниточка, стали ее разматывать — вот она и привела к некоему Кострикову, чудотворному строителю типографии.

— Подвел домишко. . . — с некоторым смущением сказал Костриков. — Признаться, я и тогда опасался — очень уж ветхий домишко. Ну, свою службу сослужил, и бог с ним. А из Иркутска мне все же ехать не к чему, — упрямо сказал он. — Достаньте другой паспорт, и я буду продолжать здесь работу.

— Нет. . . — В глуховатом голосе Белозерова появи-

лись нотки суровости. — Оставить вас здесь — это значит своими руками передать полиции. Мы имеем сведения, что они ищут вас по всей Сибири. А сейчас центр как раз требует, чтобы мы выделили одного работника для Северного Кавказа. Мы и решили, что поехать следует вам.

— На Северный Кавказ? — живо переспросил Костриков. — Неожиданно как-то, — сказал он, словно о чем-то раздумывая. — Куда же? Уж не во Владикавказ ли?

— Весь Северный Кавказ в полном вашем распоряжении! — весело отозвался Белозеров. — Судя по тому, что явки на Северном Кавказе не дают и даже места жительства не указывают, вам придется начинать все сначала.

— Все сначала, все сначала... — повторил Костриков. — Там великое множество горских племен, из них наиболее известны осетины, кабардинцы, черкесы. Бэла у Лермонтова — черкешенка...

— Вот и отлично! — посмеиваясь, сказал Белозеров. — Человек вы молодой, влюбитесь в черноокую черкешенку. Надеюсь, как сознательный социал-демократ, вы не поступите с ней подобно Печорину, а приобщите вашу Бэлу к революционному движению.

— Там, в Грозном, нефтяной район большого значения и с большим, даже в сравнении с Баку, влиянием иностранного капитала, — задумчиво произнес Костриков. Он, видно, не очень вслушивался в шутливую речь Белозерова. — Так, значит, именно в Грозный я и поеду, — решительно сказал он вставая. — Я еду с первым скорым поездом.

— Однако вы и сами скорый! — И, тоже встав со своего места, он усадил гостя, а сам, стоя над ним и покачиваясь всей своей долговязой фигурой, сказал: — Грозный — это первое. Так, значит, и сообщу: послан в Грозный. Партийной работой на Кавказе руководит Степан Шаумян. Он сам найдет вас или к вам придет че-

ловец и скажет: «Привет от Степана», — это второе. Третье — когда придете, напишите письмо и подпишитесь... Вас как по отчеству?

— Мироныч... — усмехнулся Костриков. — Дедушка Мироныч — это буду я.

— Ну, значит, так и подпишите — Миронов. Письмо пусть будет по содержанию самое ерундовое, чтобы мне только знать, что вы благополучно добрались, и поставить об этом центр в известность. И наконец — денежные средства. Вот получите пятнадцать рублей на путевые расходы. Не обессудьте, что немного, — партийная диета. Железнодорожный билет вам купят и доставят. После завтра отбудете.

Руки их сошлись. Крепкое рукопожатие. И, не выпуская его руки из своей, Белозеров сунул другую за пазуху:

— Ну, а это вам на дорогу путеводительный компас... — И он протянул Кострикову тоненькую брошюру.

— Ура, ура, ура... — тихо проговорил Костриков, перелистывая брошюру. — Общепартийная конференция в Париже! И видно, что, вопреки меньшевикам, прошла она под водительством Ленина. — И он, понизив голос, торжественно прочел: — «...центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации...» Да здравствует революционное подполье! Верно, Степан Леонтьевич? — обратился он к Белозерову свое оживленное игрою мысли лицо. — И да сгинут презренные меньшевики, которые хотят ликвидировать подполье! Да навеки живет наша партия, как птица Феникс бессмертная и непобедимая!

Еще раз крепко потрянув руку Белозерова, он вышел из комнаты. И Белозерову так стало жаль, что, может быть, он никогда уже не увидит этого юношу, что он быстро подошел к окну.

Сунув руки в карманы своей форменной тужурки, Костриков широко шагал по деревянному тротуару и улыбался мечтательно и, пожалуй, насмешливо — особенной, только ему присущей, улыбкой.

«Улетел орёлик! — с сожалением подумал Белозеров. — Ну, в добрый путь. Большевики, видно, очень нужны на Северном Кавказе, и крепенького паренька послали мы туда».

II

Велика ты, родина! Поезд, пожирая пространство, мчится сутки, вторые, третьи, четвертые, а впереди еще до Москвы пол-Сибири да пол-России. В Москве пересадка — и снова поезд мчится, теперь уже на юг, по бескрайным, изрезанным на мелкие лоскутья хлебородным полям Средней России и Украины, мимо дымного Донбасса. Тут уж не отойдешь от окна. Глядя на разбросанные повсюду остроконечные холмы — терриконы, высоченные трубы Юзовки, Горловки, Луганска, хорошо думается о новом, близком взлете поверженной в 1905 году, но недовершенной и потому неизбежной революции. Сергею вспоминалась недавняя встреча на вокзале в Челябинске: крестьяне-переселенцы, забросив свою зажатую среди помещичьих земель нищую деревню, двинулись в Сибирь, на новую жизнь, но в Челябинске их задержали на предмет прохождения холерного карантина. А как не быть холере, когда на перроне, где удушливо жарко, мухи тучами гудели над сгрудившимися людьми, утоляющими жажду мутной сырой водой.

— А надо ли было подниматься вам из Смоленщины? — спросил Костриков. — Неужто там земли не хватает?

В ответ — быстрый взгляд, осторожный, злой. И уклончивый ответ:

— Землицы-то хватит, да она у помещика...

— Да... — протяжно сказал Сергей. — Помещик добром не отдаст.

И, посеяв мятежное семя в душе этого шупленького и, очевидно, толкового мужичка в новых — конечно, по случаю отъезда сплетенных — лаптях, Сергей ушел: надо было спешить к своему поезду.

Купец, чиновник, священник с женой, дама-дачница, снова купцы и чиновники... Сколько встреч, разговоров! О Толстом, о думе, о земле. И о воровстве при постройке железных дорог... Поезд мчится по Донбассу — речь заходит о недавних стачках и красных знаменах, которые припрятаны в этих закопченных домиках. С ненавистью и страхом косятся пассажиры-обыватели на поверженный, но грозный Донбасс, на его задымленные небеса.

А для Сергея это слово — Дон-басс! Дон-басс! Дон-басс! — звучит призывным набатом; так и сошел бы и вмешался в толпу шахтеров, видно только что поднимающуюся из недр земли: лица черны, как у негров, усталы и измождены, одежда грязна, но глаза блестят непобедимо, и люди идут, слитые в единый, дружный поток.

Сергей не удержался и, осторожно оглянувшись (он был на верхней полке, внизу все заняты чаепитием и за ним никто не следил), махнул красным застиранным платочком (давний подарок сестры) — и тут же спрятал его. И его, видно, поняли. Десятки рук замелькали ему в ответ. Нет, не сойдет Костриков в Луганске: здесь, в подполье, наверно, работает такой же, как и он, посланец партии — не Костриков, так Иванов, Петров, Васильев... Костриков сойдет в Грозном; осталось пустяки, поезд уже за Ростовом. Поет, гудит паровоз, шлет свой громкоголосый привет белой цепи гор, обозначившихся на полуденной стороне. Кажется, вот-вот растают в голу-

бизне их льдистые грани, тоже голубые, как небо. Но нет, они незыблемы, вечны. . .

Цветут сады, и кругом, куда ни глянь, распаханные и ярко зеленеющие поля. Здесь совсем не то, что в Средней России: нет той лоскутности — полосы земельных наделов стали шире, и Сергею то и дело бросались в глаза волю, тянущие трехлемешные плуги и бороны. «Капитал здесь, видимо, уже ворвался в сельское хозяйство. Надо все это изучить, надо этим заняться».

Мимо проплывали среди тихо цветущих садов белые, чистые мазанки; казачки в белых платочках возятся возле белых печей, вынесенных во двор; глиняные горшки сохнут на кольях плетня. В черкеске и мохнатой шапке вертится мальчик верхом на резвом коньке. Здесь другой народ, другой обычай — казаки богато живут. Но даже при быстром пролете поезда мимо станиц заметил Сергей бедно одетых, замученных трудом людей. . . Труби, поезд, труби! Возвещай о грядущем восстании труда. . .

Пятнадцать рублей партийной диеты подходят к концу. Вчера пришлось пообедать, купив пакетик черешни и фунт хлеба, да потуже затянуть пояс. Зато еще в Ростове приобретен путеводитель по Кавказу с отличной картой — эта покупка впрок, так же как и замусленная книжечка «Весь Грозный и его окрестности», которую после неоднократных вежливых и настойчивых просьб Сергея снабдить его какой-нибудь книгой о Грозном достал откуда-то из-под прилавка содѣржатель книжно-газетного киоска на станции Минеральные Воды. Что ж, книга эта стоила обеда, который пришлось сэкономить.

«В Грозном, городе промышленности и торговли, цель жизни — фонтан, мечта — хорошая заявка, идеал — нефтепромышленник с миллионом в кармане». Сказано бесстыдно, зато ясно. Но там, где появилась эта фигура капиталиста с миллионами награбленных денег в кармане,—

там скопились миллионы людей, ограбляемых ежедневно, там сгущается презрение и ненависть к богачу, там зреет гнев. Сергей по газетам недавних революционных лет помнил, что здесь происходили забастовки, демонстрации... Почва для вашей работы приготовлена, товарищ Костриков!

Чертовски хочется есть! Четыре рубля восемнадцать копеек. Станция Беслан — это дорога на Владикавказ, военную столицу Северного Кавказа. У Сергея есть рекомендательное письмо в этот город. Никакого отношения к партийным связям это письмо не имеет и потому при некоторых обстоятельствах может особенно пригодиться. Написал его ученик шестого класса иркутской гимназии Егорушка Семиоков дяде своему Илье, который служит на железной дороге: не то агент по приему товарных грузов в городе Владикавказе, не то начальник охраны этих грузов — этого Егорушка сам точно не знал.

Молодые люди познакомились в иркутской городской библиотеке. Семиоков пришел менять книги, Костриков просматривал газеты. Семиоков сдавал «Казачьи» Толстого. Зашел разговор о Толстом, о Кавказе, и Костриков без труда определил, что его новый знакомый детство провел во Владикавказе, где и сейчас у него проживает родня, что он любит литературу, но предельно аполитичен.

Они сдружились. И когда Белозеров только предложил ехать на Кавказ, Сергей сразу подумал о возможности получить рекомендательное письмо во Владикавказ от Семиокова — оно неожиданно может пригодиться. И письмо получено.

Сергей с наслаждением жевал вкусную, словно полированную булочку, купленную в Беслане, и любовался высокой снежной цепью, поднимавшейся из-за пирамидальных тополей станционного поселка Беслан... Горы

здесь совсем другие, чем у Минеральных — пятиглавый Бештау в своем зеленом лоскутном плаще исчез. Даже льдистые крылья Эльбруса, которыми столько времени любовался Сергей, отсюда не видны. И только Казбек осанисто и гордо встал на правом фланге дружной цепи соплеменных гор.

Летучие строфы Лермонтова возникали в памяти — граненые стихи, прославляющие силу человеческого труда, силу человеческого разума, его победу над природой:

Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор.
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный пути!

Ну, хоть не золото, а нефть, но ведь недаром нефть прозвали «черным золотом»! «Черная кровь земли» правильнее было бы ее назвать. Грозный, Грозный, к тебе нетерпеливо стремится мысль!

И поезд несется вслед за ней. Солнце давно уже село, а вершины розовеют, алеют над уснувшей землей — сейчас они кажутся еще более недосыгаемыми. «Но я поднимусь туда! — упрямо думал Сергей, глядя на эти мутно розовеющие вершины. — Подняться самому и вывести за собой людей! Вырвать их из черных и задымленных ущелий капитализма и вести к тому чудесному времени, когда туннели прорежут горы, мосты перекинутся через реки и фуникулеры (об этой машине недавно читал Сергей) будут поднимать людей на самые высокие вершины — это уже в будущем, когда восторжествует наша революция и мы начнем осуществлять нашу мечту — социализм!»

И кажется, что не так уж далеко до того времени. Подобно этим пламенеющим вершинам, оно явственно видно, призывно сияет и манит, хотя, чтобы подняться туда, нужно будет пройти многое множество сейчас еще погруженных в черную тьму долин и ущелий.

III

Сергей знал по путеводителю об историческом прошлом Грозного. На обоих берегах бурливой Сунжи, здесь, где она вырывалась из гор, была заложена Ермоловым крепость Грозная. Сергей невольно взглядом искал каких-либо примет этой крепости и нигде не находил их.

Да, приметы вчерашнего дня бесследно исчезли, взгляд всюду ловил черты не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Вон вышки. Они видны здесь повсюду, они взобрались на холмы, они теснились, как бы образуя подобие чаши, сухой и безлистой, пропитанной устойчивым и терпким запахом нефти. Эшелоны нефтяных цистерн заполняли полотно железной дороги. Вокзал закопчен и запылен.

Вот тянутся на подводах железные длинные трубы, их полые концы волочатся по неровной мостовой и оглушительно грохочут; непролазная черная грязь жирна, но так же жирна зелень сада, откуда тянет пряным и тоже жирным запахом восточной еды. Надпись «Духан», звуки зурны с барабаном и пьяные голоса. . .

Сергей заглянул в открытое окно. Господин с проседью — бородка кокетливо подстрижена, университетский значок на лацкане пиджака, — держа бокал в руке, произносил речь. Можно даже разобрать отдельные гладкие адвокатские словечки — «прогресс», «благосостояние», «произрастание». . . И за этим же столиком пышноусый, от водки раскрасневшийся казак в черкеске быстро

крестится и прячет за пазуху толстую пачку денег, которую, наверно, только что передал ему третий и самый главный в этом деле. В котелке, залихватски сбитом на затылок, и с кудерьками, выщипавшимися на лбу, в шелковой рубашке и новеньком пиджаке, он по-хозяйски размахивает одной рукой в лад оркестру. Но быстрый и жадный взгляд его бегаёт по лиловым строчкам документа, который он держит в другой руке. Торопливая сделка, купля-продажа нефтяного участка, нефтяной ажиотаж правит здесь всем — это видно на глаз.

Час обеда. Меся липкую грязь, улицы заполняли рабочее. Запах нефти, который издавала их черная, грубая одежда, усилился, и кажется, что на грязных улицах стало еще темнее от этих мрачных, усталых и закоптелых лиц... А из кабаков и духанов попрежнему неслись пьяные взвизги и крики.

Сергей сразу вошел в рабочую толпу. Он внимательно вслушивался, приглядывался. И куда ни кидал он взгляд, на всем видел отпечаток жестоких и грубых пальцев владыки земли — капитала, здесь все подчинялось ему.

Прислушиваясь к разговорам, Сергей порой улавливал какие-то грошовые расчеты. Назывались копейки — цена хлеба, картофеля, масла, то, о чем разговаривают нуждающиеся люди по всей земле, — трудные, трудовые копейки... Все похоже друг на друга, как братья, но порой услышишь среди русской речи украинский оборот или крутой говорок волжского татарина, увидишь на замаскированных широчайших шароварах вылинявший след казачьего лампасы. Капитал всех перемешал, перетер, преобразил и спрессовал воедино.

Вдруг Сергей вздрогнул: откуда-то сбоку взглянули и, взглянув, словно пронзили глазки-буравчики. Выхватили из толпы, отметили. Шпик... Казалось бы, ничто не